

presented in our paper. It was established that at least four buildings correlated to Narva and Comb Ware cultures existed on the settlement site, indicating that, at least partially, they existed at different times. Find materials in the occupation layer are obviously mixed vertically because of the existence of multi-temporal settlement sites in this area, but they are also clearly correlated to objects horizontally. For a while, this place was apparently visited by the representatives of the Corded Ware culture (judging by the few fragments of pottery). And in the middle of the Bronze Age, people buried their dead here.

Keywords: Stone Age; Bronze Age; coast of Baltic Sea; northeast Estonia; basin of Narva River; Stone Age settlement site; multilayer settlement site; Comb Ware culture; Narva culture; pit-houses; remains of dwellings; fireplaces; Bronze Age burials; stratigraphy; spatial analysis.

УДК 902.64; 903.23

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12223

Статья поступила в редакцию 06.02.2019

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА: ГЕНЕЗИС, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

© 2019

Шорин Александр Фёдорович, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник сектора археологии каменного века

Шорина Анастасия Александровна, младший научный сотрудник сектора археологии каменного века
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье анализируются вопросы эволюции и культурной преемственности неолитических комплексов памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение». Основанием для решения этих вопросов служит присутствие в культурных слоях памятника всех типов неолитической керамики зауральского региона: кошкинской, кокшаровско-юрьинской (козловской), полуденской, басьяновской (боборыкинской). Каждый из них имеет достоверную временную привязку, базирующуюся как на стратиграфических наблюдениях, так и на солидной, 54 определения, базе радиоуглеродных дат. Начало неолитической эпохи на памятнике связано с формированием не позднее третьей – последней четверти VII тыс. до н.э. комплексов кошкинского типа, одновременно с которыми или чуть позже, но не позднее самого начала VI тыс. до н.э., появляются кокшаровско-юрьинские комплексы. В оформлении керамической посуды обеих этих культур доминирует отступающе-накольчатая техника орнаментации. Но в орнаментации кокшаровско-юрьинской посуды больше черт, восходящих к местной ее мезолитической основе. Отличительной особенностью обеих культур является также наличие посуды с рельефными налечами. Население этих культур существовало, нередко в рамках экзогамных коллективов, на протяжении раннего этапа неолита региона, до рубежа VI–V, а то и первой четверти V тыс. до н.э., когда происходит их переоформление в поздненеолитическое полуденское и басьяновское. Радиоуглеродные даты, полученные по фрагментам керамики аятской культуры, укладывающиеся в интервал третьей – последней четверти V тыс. до н.э., маркируют начало энеолитической эпохи на памятнике.

Ключевые слова: неолит; Среднее Зауралье; керамическое производство; типология; орнаментация; керамическая традиция; культовые комплексы; кошкинская культура; кокшаровско-юрьинская (козловская) культура; полуденская культура; басьяновский тип боборыкинской культуры; генезис; культурная преемственность.

Присутствие на Кокшаровском холме всех типов неолитической керамики региона: кошкинской, кокшаровско-юрьинской (козловской), полуденской, басьяновской (боборыкинской), а также наличие 54 радиоуглеродных дат, полученных по разным основаниям (уголь, керамика) и достоверно определяющих хронологические позиции каждого из этих культурных комплексов, делают памятник эталонным для решения вопросов эволюции и культурной преемственности этих комплексов на протяжении всей эпохи неолита Зауралья [1; 2, с. 89–91; 3; 4]. Хронологическое соотношение данных комплексов коррелируется и стратиграфией объекта 21 (жилища) Юрьинского поселения (рис. 1), в центре которого этот насыпной святилищный комплекс и был возведен теми же группами неолитического населения.

Начало неолитической эпохи как на памятнике, так и в зауральском регионе в целом относится к рубежу VII–VI тыс. до н.э. и, может, даже третьей – последней четверти VII тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат [4, с. 99–103]. Оно связано с комплексом кошкинского типа (рис. 2: 1, 2, 4, 8). Установить генетические истоки этого комплекса не только на Холме, но и в регионе в целом современными археологическими методиками практически невозможно.

Керамическая традиция выглядит сформировавшейся, и идентичные культурные комплексы на сопредельных Зауралью регионах отсутствуют. Можно только констатировать, а это делалось неоднократно разными исследователями, что кошкинский керамический комплекс относится к кругу культур с накольчатой традицией орнаментации, больше свойственной культурам степных восточноевропейских регионов [5, с. 35, 37, 61–62; 6, с. 109, 113]. Присущему также «шамотная» традиция и высокая доля отбора исходного пластичного сырья без талька [7, с. 109–110, 122], что не свойственно населению, изготавливавшему керамику кокшаровско-юрьинского типа, одновременному на Холме кошкинскому. Но этот керамический импульс, пусть даже изначально пришлый в зауральский регион, местным населением был не только воспринят, но и основательно переработан. На это указывают как оригинальность самой кошкинской орнаментальной композиции, не имеющей аналогов в других регионах Евразии, так и наличие в тесте сосудов примеси не столько шамота, сколько талька, иногда в значительных количествах; технологической традиции, свойственной на всем протяжении существования лепной посуды гончарам именно зауральского региона.

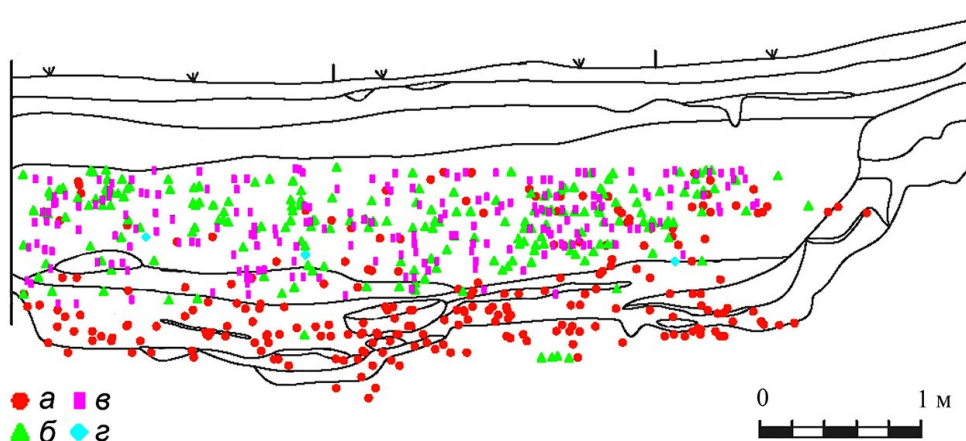

Рисунок 1 – Стратиграфическое распределение неолитической керамики в объекте 21 Кокшаровского холма.
а – керамика кошkinsкой культуры; *б* – керамика кокшаровско-юрьинской культуры;
в – керамика полуденской культуры; *г* – керамика басыановского типа

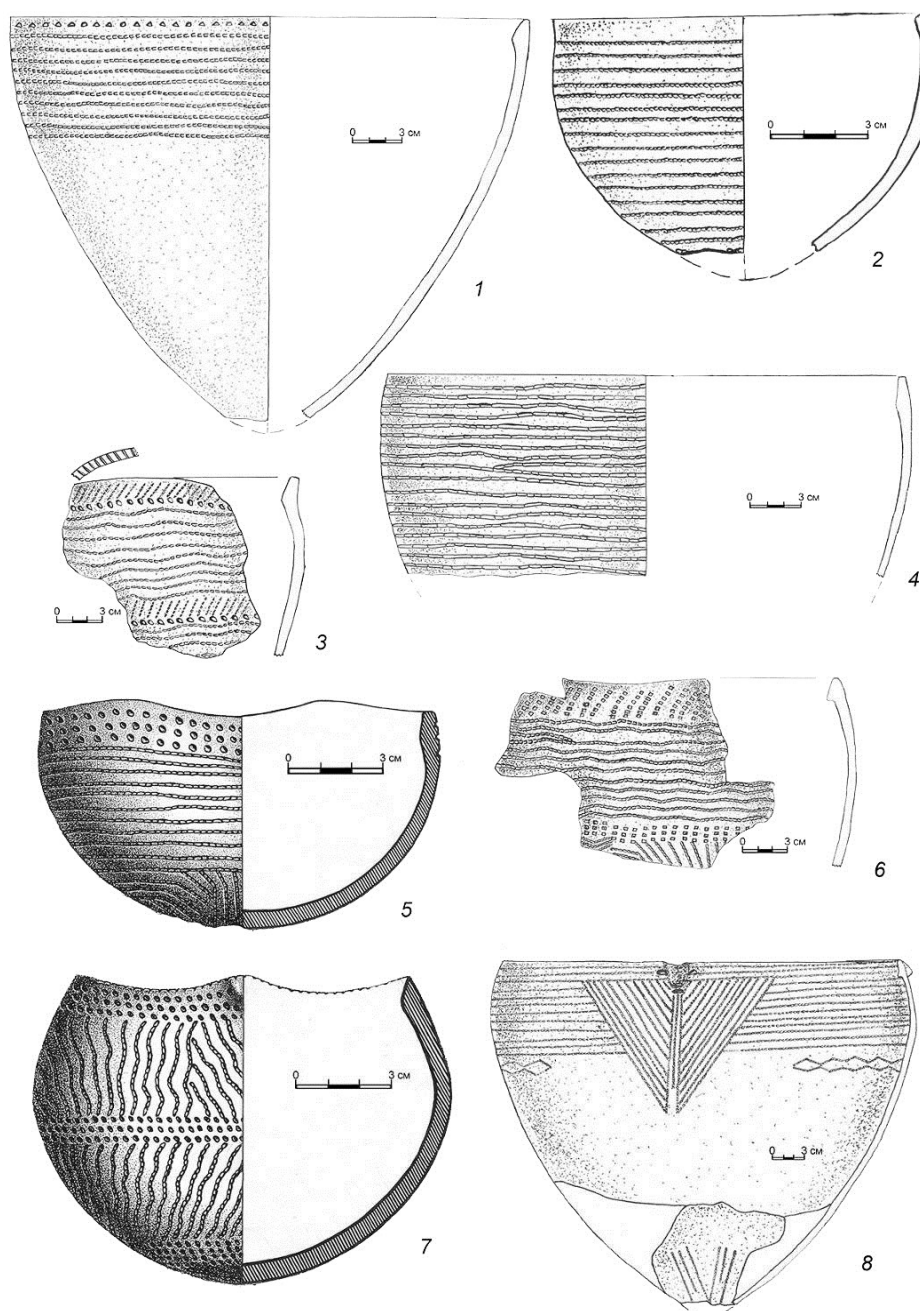

Рисунок 2 – Кокшаровский холм. Керамика кошkinsкой и кокшаровско-юрьинской культур.
1, 2, 4, 8 – кошkinsкая культура; *3, 5–7* – кокшаровско-юрьинская культура

Одновременно с кошкинской или, может, чуть позже, но ненамного, не позднее самого начала VI тыс. до н.э., на Холме, да и в регионе в целом, формируется козловская (кокшаровско-юринская) керамическая традиция. Она тоже отступающе-накольчатая, но ей присущи узоры, нанесенные, правда, только в качестве разделителей орнаментальных зон, печатным гребенчатым штампом [8, с. 154–159], который кошкинской орнаментальной традиции вообще не свойственен (рис. 2: 3, 6). Сами орнаментальные схемы козловской посуды более разнообразны за счет включения в них композиций в виде взаимопроникающих треугольников, зон, заполненных диагональными прямыми или волнистыми линиями, и пр. (рис. 2: 5, 7). Орнамент на них, в отличие от кошкинской посуды, где он нередко нанесен только по верхней части емкости (рис. 2: 1) (последние могут быть иногда и с плоским дном), покрывает сосуд сплошь с нередкой разбивкой горизонтальных зон на вертикальные (диагональные) подзоны (рис. 3: 1, 4, 8, 9). Возможно, что формирование козловской (кокшаровско-юринской) керамической традиции в большей степени связано с автохтонными лесными коллективами, которые восприняли от кошкинской накольчатую технику орнаментации посуды, но привнесли в нее, правда в качестве подчиненной, как традицию печатно-гребенчатой орнаментации, так и ряд орнаментальных узоров, которыми, возможно, в эпоху мезолита абортинское население украшало другие артефакты; но они, в том числе из органических материалов, дошли до нас в незначительном количестве, поэтому обосновать достоверность этого положения крайне затруднительно. Так, например, узоры в виде переплетения прямых и наклонных волнистых или прямых параллельных линий на кокшаровско-юринской посуде напоминает технологию плетения корзин и других подобных емкостей из прутьев. Такая посуда, безусловно, имела массовое распространение в среде мезолитического населения региона. Схожи эти узоры и с техникой прядения тканых изделий; но о том, что неолитическое население региона уже освоило ее, данных практически нет. Может быть, только фиксация на Холме, причем в массовом количестве (не менее 120 экз.), изделий из фрагментов посуды с отверстием посередине (в единичных случаях они изготовлены из камня), называемых в археологической литературе «пряслицами для веретен» (рис. 4: 1–3, 5–7). Но их использование нередко оценивают иначе: это символы солнца, солнечного диска в обрядовых действиях [см., например: 9, с. 30–32; 10, с. 42; 11, с. 147–150].

Гончарная традиция кокшаровско-юринской культуры характеризуется также определенной однородностью культурных традиций отбора исходного пластичного сырья (97% его талькосодержащее) и составлением рецептов формовочных масс; это те традиции, что получили дальнейшее развитие в остальных неолитических культурных группах Холма [7, с. 121–122].

Объединяет кошкинские и кокшаровско-юринские орнаментальные комплексы и традиция изготавливать сосуды с рельефными налечами (рис. 2: 7, 8). При оформлении зон с налечами обе культуры нередко использовали орнамент в виде треугольника из прямых линий, что в украшении сосудов свой-

ственно в основном кокшаровско-юринской традиции, а не кошкинской. Причем кошкинский сосуд с таким орнаментом найден в одном из самых ранних объектов культуры – объекте 6, потому сложно говорить, у кого зародилась эта традиция, а кто ее заимствовал. Пока ясно только то, что на более позднем этапе неолита традиция украшения сосудов рельефными изображениями практически исчезает. Лишь на 4 сосудах полуденской культуры встречены рельефные налечи [12, с. 18–19, рис. 2: 2].

Местную подоснову козловских, как, впрочем, и кошкинской, комплексов, в какой-то степени можно проследить и по преемственности некоторых черт мезолитической и раннеолитической каменных индустрий. В частности, высокий удельный вес в ней пластинчатой, в том числе микропластинчатой, техники, наличие таких категорий орудий, как резцы, резчики, черешковые наконечники стрел на пластинах, единичных микролитов и пр. (рис. 5) Но смешанный нестратифицированный характер подавляющего большинства археологических памятников региона, в культурных слоях которых чаще всего отложены материалы сразу нескольких периодов каменного века, крайне затрудняет достоверную разбивку каменного материала по комплексам, относящимся к мезолиту либо раннему или позднему неолиту, энеолиту и пр., а значит, и объективную оценку их эволюции и преемственности.

Кошкинские и козловские комплексы характеризуют раннеолитическую эпоху в регионе и в хронологическом плане существовали продолжительное время, не менее тысячелетия, по крайней мере, от рубежа VII–VI до рубежа VI–V, а то и первой четверти V тыс. до н.э. [4, с. 99–104; 14, с. 113]. В зонах соприкосновения, во всяком случае, на Кокшаровском холме, они явно взаимодействовали между собой, нередко составляя, видимо, экзогамные коллективы, и их культурные традиции получили продолжение в позднеолитическую эпоху в генетически связанных с ними боборыкинской (басьяновской) и полуденской культурах. Хронологические позиции басьяновского комплекса на Кокшаровском холме определяются радиоуглеродными датами от 5920 ± 90 BP 1σ 4920–4870 BC и 4860–4680 BC, 2σ 5030–4540 BC (Ki-16854) до 5470 ± 90 BP 1σ 4400–4220 BC, 2σ 4600–4500 BC (Ki-16171). Время существования боборыкинской же культуры в лесостепном Зауралье могло продолжаться и до конца V и даже начала IV тыс. до н.э. [15, табл. 2]. Кстати, на Кокшаровском холме последняя дата басьяновского комплекса практически смыкается с энеолитическим этапом функционирования памятника: имеются 2 даты, полученные по фрагментам керамики аятского типа: 5440 ± 90 BP 1σ 4370–4220 BC, 2σ 4460–4040 BC (Ki-15541) и 5250 ± 90 BP 1σ 4230–4190 и 4170–3970 BC, 2σ 4350–3800 BC (Ki-15907). Басьяновский в целом продолжает традиции накольчатых комплексов раннеолитической эпохи. На такую преемственность в технологических аспектах изготовления лепной посуды обратила уже внимание И.Н. Васильева [7, с. 122]. Как и в кошкинском гончарстве, у басьяновских мастеров, причем даже, видимо, в большем количестве, изготавливались сосуды с плоским дном, причем такое дно имело часто характерную закраину. Посуда горшечной или баночной форм,

как правило, в верхней своей части также орнаментировалась только накольчатой техникой простыми узорами (линии, зигзаги), но орнаментом служила двузубая палочка (а может быть, и штамп), который протаскивался по поверхности сосуда с периодическим нажимом (рис. 4: 4, 9). Боборыкинская посуда

более вариабельна, но узоры на ней, в том числе нередко геометрических форм, выполнены также в накольчатой технике (рис. 4: 8, 10). Присутствуют здесь сосуды, как с плоским, так и округлым дном, как горшки, так и банки. Генетическая связь ее с кошkinsкой для нас очевидна.

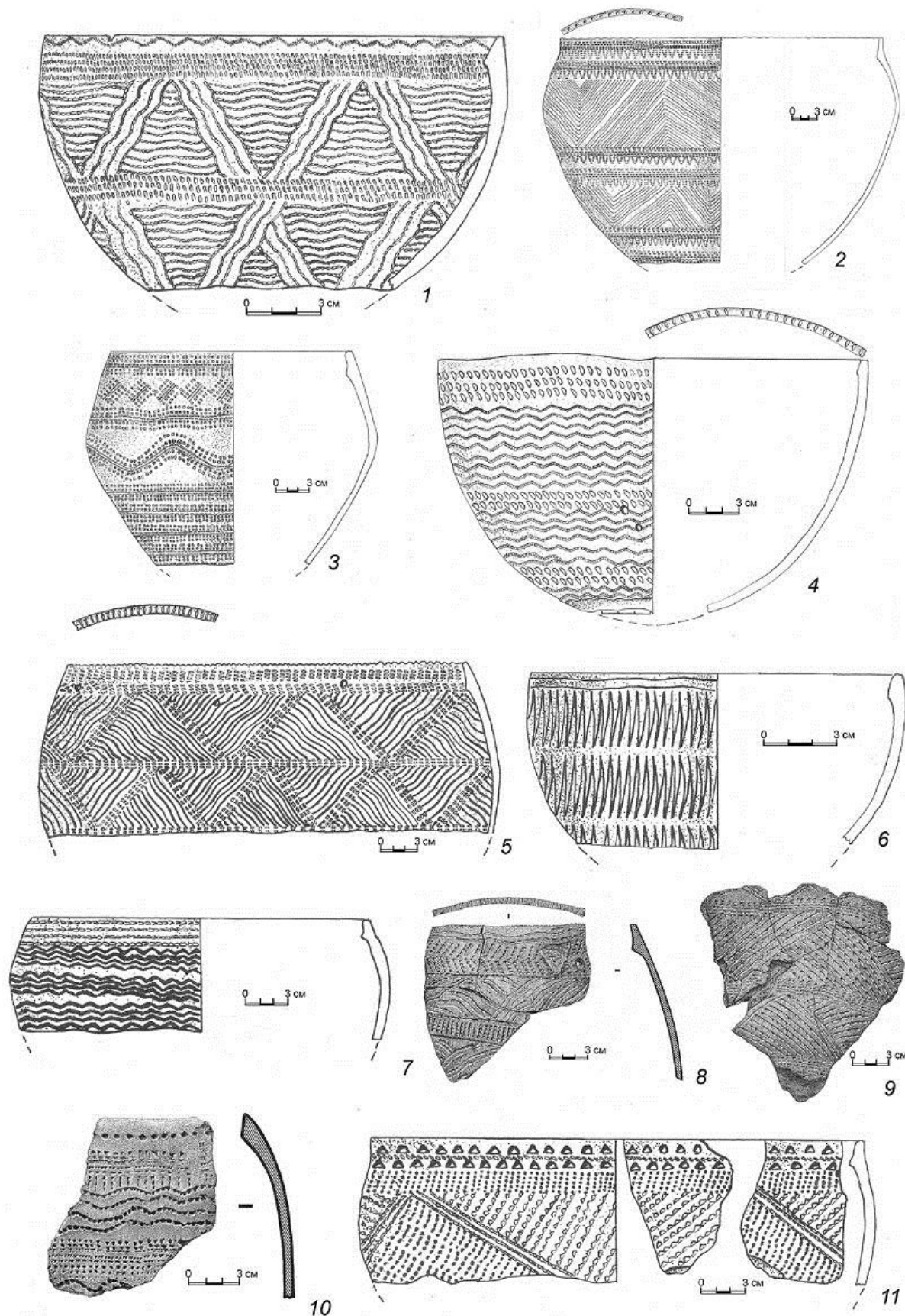

Рисунок 3 – Кокшаровский холм. Керамика кокшаровско-юрьинской и полуденской культур.

1, 4, 8, 9 – кокшаровско-юрьинская культура; 2, 3, 5–7, 10, 11 – полуденская культура

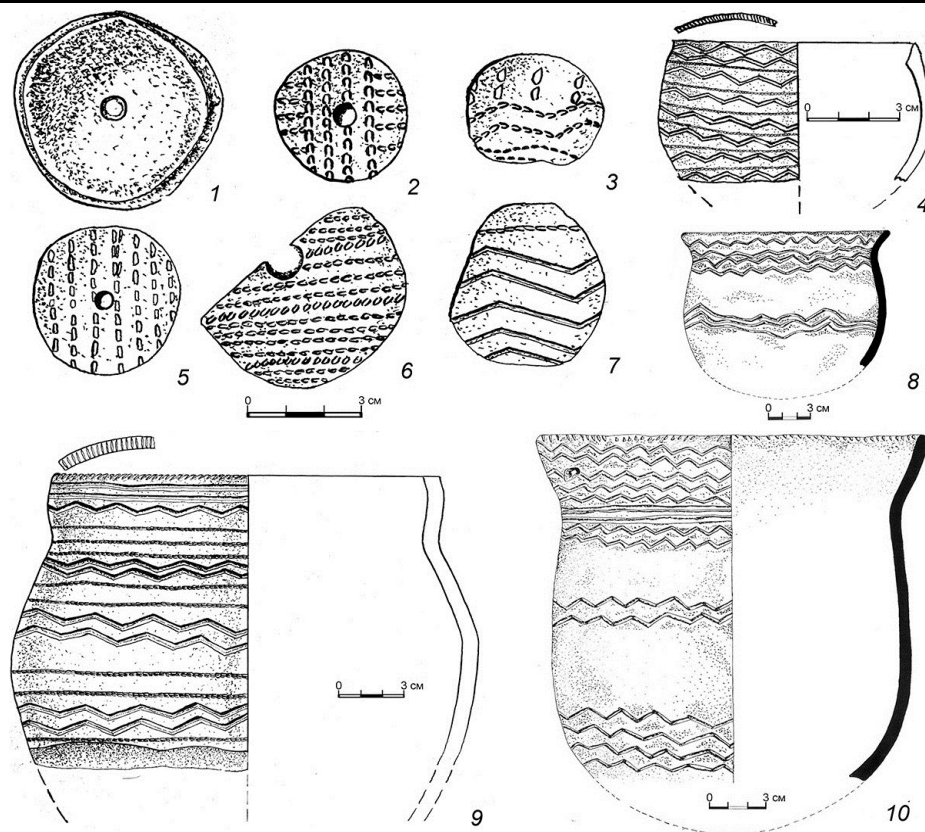

Рисунок 4 – Изделия из глины и керамика боборыкинской культуры.

1–7, 9 – Кокшаровский холм; 8, 10 – Ташково III. 1–3, 5–7 – пряслица;
4, 9 – керамика басьяновского типа; 8, 10 – керамика боборыкинской культуры (по [13, рис. 66, 67])

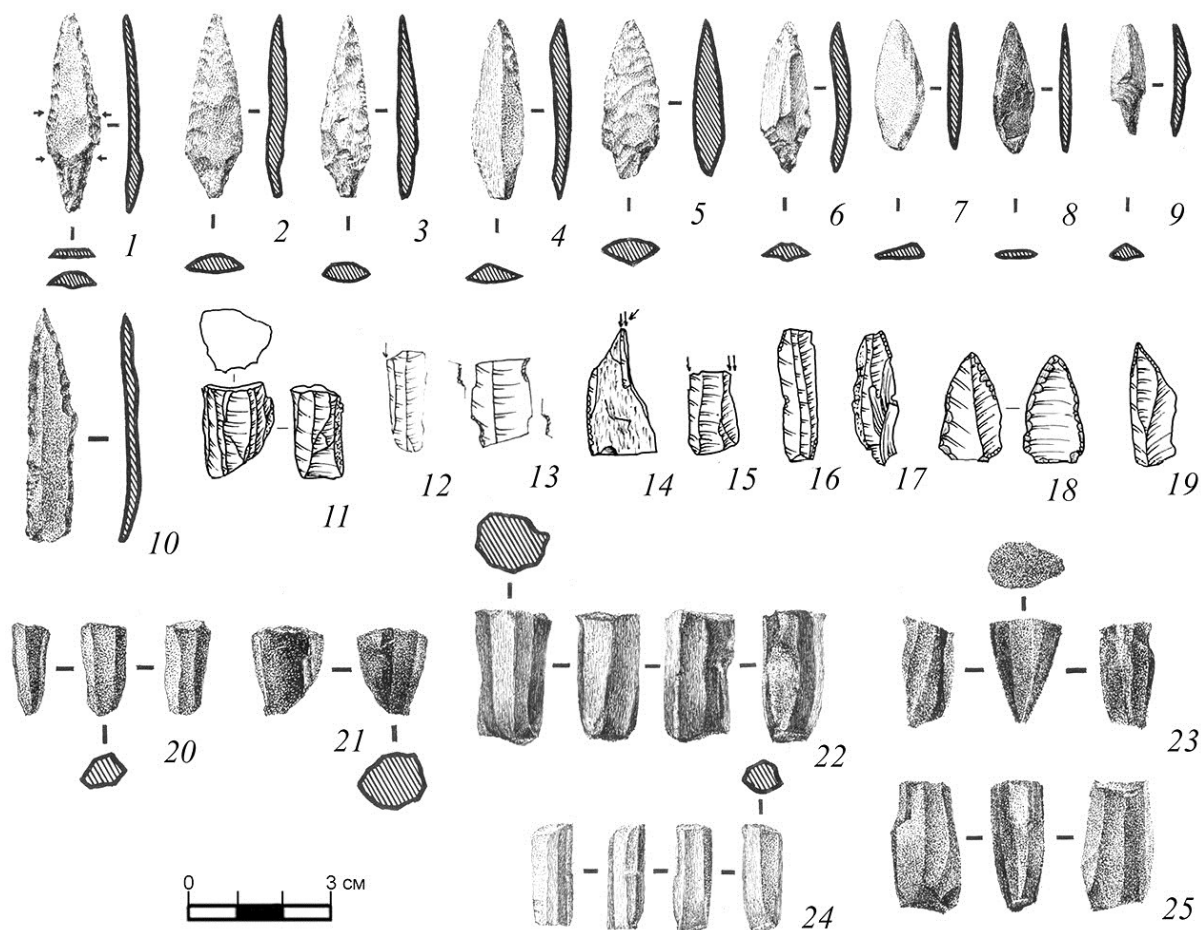

Рисунок 5 – Каменный инвентарь Кокшаровского холма.

1–9 – наконечники стрел; 10, 18, 19 – острия; 12, 14, 15 – резцы; 13, 16, 17 – резчики; 11, 20–25 – нуклеусы

Полуденский керамический комплекс, безусловно, генетически связан, прежде всего, с козловским (кокшаровско-юринским). На Юринском поселении, в центре которого и возведено святилище Кокшаровский холм, фиксируется даже жилище (объект 21), которое оставлено на рубеже VI–V тыс. до н.э. совместным позднекокшаровско-юринско – полуденским коллективом [16]. Вообще-то хронологический отрезок последняя четверть VI – первая четверть V тыс. до н.э. являлся важным этапом в функционировании данного комплекса памятников. Это было время сосуществования и постепенной замены кошкинских и кокшаровско-юринских орнаментальных традиций полуденскими и басыановскими. Не исключено, видимо, что именно поэтому состав технологических традиций изготовления посуды полуденского типа характеризуется большей разнородностью, включая традиции других керамических групп Холма и даже, возможно, пришлые из сопредельных регионов [7, с. 123]. Именно с этим этапом связано в полуденских и басыановских коллективах возникновение новой технологической традиции – введения в формовочные массы искусственной примеси талька, что было не свойственно раннеолитическим группам населения [7, с. 122]. Но в плане орнаментации посуды полуденские коллективы нередко даже копировали орнаментальную схему сосудов кокшаровско-юринского типа, меняя только приоритеты в технике орнаментации: основные орнаментальные зоны выполнены гребенчатым штампом в движении, а в разделительных зонах узор нанесен печатным гребенчатым штампом с редкоставленными зубцами, что очень напоминает накольчатую технику, или отступающе-накольчатой техникой (рис. 3: 5). Иногда отдельные элементы орнамента наносились и палочкой (рис. 3: 6, 10, 11). При сохранении отступающе-накольчатой техники явная все же тенденция перехода полуденских гончаров к орнаментации посуды гребенчатыми штампами привела и такому интересному нюансу, как использование при нанесении узор гребенчатого штампа не только в виде печатных оттисков, но и в движении (протаскиванию) его по поверхности сосуда. Появляются свойственные только полуденским мастерам орнаментально-технологические приемы, как, например, шагающая гребенка, протасченная (волнисто-протасченная) гребенка (рис. 3: 2, 3, 5–7, 10, 11).

Заключение

В целом, тенденция замены накольчатой, чаще отступающе-накольчатой, манеры орнаментации посуды на гребенчатую с явным преобладанием печатно-гребенчатого штампа – это доминантная черта орнаментальных комплексов зауральского региона с эпохи позднего неолита до самого начала эпохи ранних металлов. В эпоху энеолита на этой территории отступающе-накольчатая (ложно-шнуровая) орнаментальная традиция еще определяет лицо липчинской культуры [17, с. 188–192], но в других культурах региона (аятская, шапкульская, суртандинская и пр.) уже доминирует печатно-гребенчатая традиция орнаментации посуды [18]. В начале эпохи бронзы сочетание отступающе-накольчатых и гребенчатых, в том числе «гребенки в движении», техник свойственно еще керамическим комплексам ташковской культуры региона [19, с. 29–30; 20, с. 50]. Но с последующих этапов бронзового века и вплоть до появления посуды, изготовленной уже на гончарном

круге, отступающе-накольчатая традиция в регионе практически не встречается. Господствует печатно-гребенчатая с сочетанием в различные археологические периоды желобчатой, резной, фигурно-штампованной, шнуровой. Кстати, постепенное вытеснение накольчатой традиции с эпохи позднего неолита гребенчатой может быть косвенным свидетельством автохтонности последней в регионе еще до появления здесь керамического производства. Как уже отмечено выше, в донеолитическое время она могла применяться для орнаментации других категорий артефактов, в том числе из органических материалов, а гребенчатыми орнаментами могли служить и естественные материалы, например челюсти животных. Но проникновение в регион самого керамического производства, носителями которого было, скорее всего, как тоже уже отмечено выше, население кошкинской культуры, оказало на местное население такое огромное влияние (неизгладимое впечатление), что сама технология изготовления керамики неразрывно слилась именно с накольчатой манерой нанесения орнаментов и была тем самым возведена в аксиому. Поэтому эта традиция стала доминирующей и на раннеолитической кокшаровско-юринской посуде; но в то же время вполне мог быть возможен перенос в ее орнаментальные схемы традиционных автохтонных орнаментов с других артефактов более ранней эпохи.

Список литературы:

1. Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // Российская археология. 2000. № 3. С. 88–101.
2. Шорин А.Ф. Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. С. 87–102.
3. Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2007. С. 30–42.
4. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 108–114.
5. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 80 с.
6. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург-Сургут: Изд-во «Магеллан», 2008. С. 73–112.
7. Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 103–124.
8. Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 2001. С. 151–161.
9. Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантики циркульного орнамента // Краткие сообщения Института археологии. 1996. Вып. 107. С. 28–32.
10. Фролов Б.А. Астральные мифы и рисунки // Очерки истории естественных наук в древности. М.: Наука, 1982. 279 с.

11. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2005. С. 93–101.

12. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 15–24.

13. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. 308 с.

14. Мосин В.С., Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Зауралья: пространственный аспект // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 97–107.

15. Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.

16. Шорина А.А. Стратиграфическое распределение неолитических керамических комплексов Юрьинского поселения (по материалам объекта 21) // IV Северный археологический конгресс: мат-лы. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 110–112.

17. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук, 2005. 312 с.

18. Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий: учебное пособие к спецкурсу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 92 с.

19. Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1997. 131 с.

20. Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 160 с.

NEOLITHIC COMPLEXES OF THE KOKSHAROVSKY HILL: GENESIS, STAGES OF DEVELOPMENT AND CULTURAL CONTINUITY

© 2019

Shorin Alexander Fedorovich, doctor of historical sciences, chief researcher of Stone Age Archeology Sector

Shorina Anastasia Alexandrovna, junior researcher of Stone Age Archeology Sector

*Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russian Federation)*

Abstract. The paper is devoted to the problems of evolution and cultural continuity of the Neolithic complexes of archaeological site «Koksharov Hill – Yurynskoye settlement». The basis for solving these problems is the presence of all types of Neolithic ceramics from the Trans-Ural region in the cultural strata of this complex: Koshkinskaya, Koksharovsko-Yuryinskaya (Kozlovskaya), Poludenskaya, Basyanovskaya (Boborykinskaya). Each of them has a reliable time reference, based on both stratigraphic observations and a solid base of radiocarbon dates including 54 received dates. The beginning of the Neolithic epoch on the monument is connected with the formation of the complexes of the Koshkinskaya archaeological culture no later than the third – the last quarter of the 7th millennium BC. At the same time, not later than the very beginning of the 6th millennium BC, complexes of the Koksharovsko-Yuryinskaya archaeological culture appeared. The indented strokes technique of ornamentation dominates in the design of ceramic ware of these cultures. But in the ornamentation of the vessels of the Koksharovsko-Yuryinskaya culture there are more features that go back to the local Mesolithic basis. A distinctive feature of both cultures is the presence of vessels with relief to stick. The population of these cultures existed, often in the framework of exogamous groups, during the early stage of the Neolithic region, before the 6th–5th, and even the first quarter of the 5th millennium BC, when they were re-registered in the Late Neolithic Poludenskaya and Basyanovskaya. Radiocarbon dates obtained from fragments of ceramics of the Ayatskaya culture, which fit into the interval of the third – last quarter of the 5th millennium BC, mark the beginning of the Eneolithic epoch on the monument.

Keywords: Neolithic; Middle Trans-Urals; ceramic production; typology; ornamentation; ceramic tradition; cult complexes; Koshkinsky culture; Koksharovsko-Yuryinskaya (Kozlovskaya) culture; Poludenskaya culture; Basyanovsky type of Boborykinskaya culture; genesis; cultural continuity.

УДК 94 (47).08

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12224

Статья поступила в редакцию 27.12.2018

РОЛЬ ТАТАР СЕИТОВСКОГО ПОСАДА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

© 2019

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье проанализирована роль татар Сеитовского посада в формировании и развитии Оренбургского края с момента его основания и вплоть до начала XIX века. Показаны причины учреждения Сеитовского посада (Татарской Каргалы) близ Оренбурга еще до официального учреждения Оренбургской губернии. Автор рассмотрел переселенческий процесс, привлечший татар из Казанской губернии в Оренбургский край. Представлены данные переписей, свидетельствующие о последовательном росте численности та-